

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО.

Антропологин до сихъ поръ далеко не выяснила вопроса, что такое національность; болѣе того, самый вопросъ о томъ, существуетъ ли она, какъ реальное антропологическое явленіе, или же представленіе о національномъ типѣ есть не болѣе, чѣмъ одна изъ человѣческихъ иллюзій, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Никто не сомнѣвается, однако, что если не какъ антропологическій фактъ, то по крайней мѣрѣ какъ иллюзія, національность не только существуетъ, но имѣетъ могущественное вліяніе на умы человѣчества и является причиной многихъ и притомъ весьма важныхъ политическихъ событій; въ этомъ смыслѣ она—воплѣ конкретный историческій фактъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ антропологическую сторону національнаго вопроса, попробуемъ рассмотреть его исключительно съ государственно-правовой точки зрѣнія, поставивъ его, слѣдовательно, такъ: какъ государство нормируетъ отношенія между отдѣльными національностями, живущими на его территоріи, чтобы избавить себя отъ той упорной и тяжелой, иногда кровавой борьбы, которую ведутъ національности почти во всѣхъ государствахъ съ пестрымъ въ этнографическомъ смыслѣ населеніемъ.

Не задаваясь, такимъ образомъ, задачею выяснитъ сущность національныхъ различій и дать точное опредѣленіе понятія національности, мы все же должны предварительно условиться относительно терминовъ. Несмотря на то, что термины: народъ, народность, нація, національность—являются терминами ходячими, они, тѣмъ не менѣе, не имѣютъ строго опредѣленнаго и общепринятаго смысла.

Словомъ „народъ“ переводятъ обыкновенно латинскій *populus*, французскій *peuple*, нѣмецкій *Volk*, англійскій *people*, тогда какъ „нація“ есть латинское слово (*natio*), совершенно одинаково пишущееся по нѣмецки, по французски и англійски (*Nation*). По нѣмецки словомъ *Volk* обыкновенно обозначается совокупность граждан одного государства, такъ что выраженіе „нѣмецкій народъ“ покрываетъ обыкновенно и нѣмцевъ, и датчанъ, и поляковъ, поскольку они являютъ гражданами Германской имперіи, по не австрійскихъ, тѣмъ наче не швейцарскихъ нѣмцевъ; терминомъ же „нація“ обозначается обыкновенно совокупность людей, не организованныхъ въ единое государство, но связанныхъ единствомъ языка, единствомъ культуры, един-

ствомъ исторіи, или по крайней мѣрѣ, единымъ національнымъ сознаніемъ. Подъ польской націей, такимъ образомъ, разумѣются поляки, говорящіе по польски и чувствующіе себя именно поляками, безразлично, являются ли они гражданами Германской, Австрійской, Россійской имперіи, или даже Заатлантической республики.

Говоря иначе, „народъ“ есть терминъ государственнаго права, а „нація“—терминъ этнографическій, съ которыми государственному праву приходится, однако, считаться. „Національность“ въ этомъ употребленіи является терминомъ производнымъ отъ націи, для отвлеченнаго понятія, означающаго психологическую принадлежность отдѣльной ли человѣческой личности или цѣлой націи. Говорятъ: „этотъ человѣкъ отличается чертами своей національности“; „въ немъ говоритъ его національность“; „его національность сказалась въ этомъ его поступкѣ“. „Каждая народность (*Volksstamm*)—гласитъ § 19 австрійской конституціи—имѣетъ право охранять и развивать свою національность (*Nationalität*) и свой языкъ“.

По-французски и по-англійски термины „нація“ и „народъ“ употребляются обыкновенно какъ-разъ въ противоположномъ смыслѣ: выраженіе „французская нація“ обыкновенно означаетъ во Франціи совокупность гражданъ французской республики, а не совокупность людей, объединенныхъ общностью французскаго національнаго сознанія; по-французски говорится о договорахъ, соглашенияхъ и войнахъ между „націями“, тогда какъ нѣмецкій языкъ предпочитаетъ въ этомъ случаѣ говорить о „народахъ“; въ самомъ наименованіи международнаго права (*Völkerrecht*) интернациональнымъ правомъ (*droit international*) звучитъ отголосокъ именно такого употребленія термина „нація“.

Нѣмецкое употребленіе терминовъ несомнѣнно ближе къ первоначальному смыслу латинскихъ словъ и потому филологически правильнѣе; бѣда только въ томъ, что проводится оно далеко не послѣдовательно. Такъ, въ нѣмецкомъ текстѣ венгерскаго закона 1868 года о національностяхъ говорится, что „все граждане Венгрии въ силу основныхъ принциповъ конституціи образуютъ неделимую, единую венгерскую націю (*Nation*), членомъ коей является каждый гражданинъ отечества, къ какой бы національности (*Nationalität*) онъ ни принадлежалъ“. Здѣсь терминъ „нація“ употребленъ такъ, какъ онъ обыкновенно употребляется по-французски, а вмѣсто термина „нація“ въ обычномъ нѣмецкомъ смыслѣ употребленъ отвлеченный терминъ „национальность“, обыкновенно имѣющій на нѣмецкомъ языкѣ вѣсколько другое значеніе или, по крайней мѣрѣ, другой отгѣнокъ значенія ¹⁾.

¹⁾ Вообще въ Венгрии, какъ въ законодательныхъ актахъ, такъ и въ обычномъ разговорѣ, терминъ нація и національность понимается именно такъ, какъ онъ употребленъ въ приведенной статьѣ закона, и это повываніе отражается и въ официальной

Русское словоупотребление отличается еще меньшей последовательностью и точностью. В общем оно ближе к немецкому. Мы тоже охотнее говорим о „народѣ“ въ государственномъ смыслѣ, чѣмъ въ смыслѣ этнографическомъ; для насъ въ понятіи „русскій народъ“ можетъ войти и полякъ, и еврей, и украинецъ, тогда какъ говорить о „русской націи“ въ этомъ смыслѣ мы рѣшительно не въ состояніи. Мы говоримъ, что русскій народъ вель пошу съ японцами, не смущаясь тѣмъ, что въ рядахъ русскихъ войскъ были и поляки, и евреи; но рядомъ съ этимъ мы можемъ сказать, что въ Россіи живутъ разныя народы: русскіе, поляки и т. д., хотя охотнѣе выразимся: „національности“ или „народности“. Слово „нація“ вообще звучитъ для насъ, какъ слово иностранное, недостаточно усвоенное русскимъ языкомъ, и до сихъ поръ ему чуждо. Въмсто него мы почти безразлично употребляемъ термины „національность“ и „народность“, причеъ придаемъ имъ не характеръ отвлеченно-психологическій или не только такой характеръ, а одновременно и характеръ этнографическій, обозначая ими совокупность людей, объединенныхъ общностью историческаго происхожденія, культуры, языка или, по крайней мѣрѣ, національнаго сознания. Нѣкоторое различіе въ отгбикахъ между этими двумя терминами можно видѣть въ томъ, что терминъ „національность“ обозначаетъ единство національнаго самосознанія независимо отъ какихъ бы то ни было объективных признаковъ, а терминъ „народность“ обозначаетъ совокупность людей, объединенныхъ именно таковыми объективными признаками: общностью языка или чего нибудь другого.

До сихъ поръ мы говорили о культурѣ и языкѣ съ одной стороны и національномъ самосознаніи съ другой, какъ о явленіяхъ совпадающихъ. Въ дѣйствительности это не совсемъ такъ. Національность создается дѣльнымъ рядомъ признаковъ. Сюда входятъ общее происхожденіе, общая культура, общая исторія, создавшая историческія традиціи, единая территория и иногда государственная организація; сюда входятъ далѣе религія, языкъ; во ни одинъ изъ этихъ моментовъ (даже помимо государственной организаціи, съ которой національность совпадаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ) не является безусловно обязательнымъ для созданія національности.

ныхъ и неофициальныхъ немецкихъ переводахъ венгерскихъ актовъ и книгъ. Въ этомъ словоупотребленіи вольно или невольо скрывается опредѣленная тенденція, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленное политическое направленіе находить въ немъ очень удобную опору для себя. Опредѣлая теоретически „венгерскую націю“, какъ совокупность всѣхъ гражданъ венгерскаго королевства, тогда какъ обычное словоупотребленіе склосно называть венгерской націей именно мадьяръ, венгерскіе акты и политическіе писатели протавологаютъ ей пѣмцевъ, румынъ, словаковъ, хорватовъ, евреевъ, какъ „національности“, живущія на территоріи Венгрии. При помощи такой передержки или подгасовки можно довольно легко приходить къ желательнымъ выводамъ.

Объективных признаковъ для опредѣленія національности часто нѣтъ вовсе, и тогда для него приходится довольствоваться признакомъ чисто-субъективнымъ. Если человекъ считаетъ себя полякомъ, значитъ — онъ полякъ, хотя бы онъ не былъ католикомъ, хотя бы онъ былъ оторвалъ отъ польской территоріи и хотя бы даже онъ забылъ свой языкъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ по большей части себя полякомъ считать не будетъ). Если человекъ, происходящій отъ польскихъ родителей, отказывается отъ наименованія поляка, то, хотя бы онъ былъ католикомъ, хотя бы онъ жилъ въ Польшѣ, его все же не слѣдуетъ признавать за поляка. Таковъ единственный рациональный принципъ, котораго слѣдовало бы держаться и при статистическихъ вычисленіяхъ національнаго состава давняго государства, и при созданіи разныхъ культурныхъ учреждений (школъ, академій и т. д.) для отдѣльныхъ національностей. Въ дѣйствительности, однако, въ большинствѣ случаевъ государства ищутъ признаковъ объективныхъ. Даже при статистическихъ вопросахъ обыкновенно отсутствуетъ вопросъ о національности, который замѣняется вопросомъ о родномъ языкѣ или о языкѣ обиходномъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ приводитъ къ множеству статистическихъ недоразумѣній и часто лишаетъ статистика возможности правильно опредѣлить національный составъ населенія.

Именно національное сознание, исторически выросшее изъ многихъ элементовъ, но въ каждый данный моментъ не связанное обязательно съ какимъ бы то ни было изъ нихъ въ отдѣльности, именно оно лежитъ въ основѣ всѣхъ національныхъ притязаній, предъявляемыхъ національностями къ государству. Характеръ и объемъ этихъ притязаній весьма разнообразенъ¹⁾, но ихъ основа — національное сознание — остается одна и та же. Національное сознание заставляетъ польскихъ націоналистовъ стремиться, по крайней мѣрѣ, въ своихъ крайнихъ мечтаніяхъ, къ государственному воссозданію исторической Польши, не смущаясь тѣмъ, что историческая Польша включила бы въ свои границы значительное населеніе не-католическое и говорящее не польски; то же національное сознание, по склонившееся передъ неумолимыми требованіями дѣйствительности, въ томъ числѣ національное сознание польскаго пролетаріата, поскольку онъ представленъ польской партией социалистической, а отчасти и польской социалдемократіей, требуетъ по крайней мѣрѣ автономіи Польши въ предѣлахъ десяти губерній Царства Польскаго.

Національное сознание чешскихъ націоналистовъ добывается чешскаго государственнаго права, сводящагося къ объединенію трехъ земель австріиской короны (Богемія, Моравія, Силезія) въ одну государственную единицу, свл-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. выше, въ статьѣ Рудольфа Ширингера. Гед.

завную съ остальной Австріей на началахъ реальной унии или федераціи, вѣдшимъ символомъ чего должно служить коронованіе австрійскаго императора историческою чешскою короною св. Венцеслава; требуетъ оно этого тоже, нисколько не смущаясь тѣмъ, что въ объединенной такимъ образомъ Чехіи окажется весьма значительное не-чешское населеніе.

Национальное сознаніе большинства негосударственныхъ національностей лежитъ въ основѣ стремленія къ образованію такого государства, сувереннаго или хотя бы несувереннаго, или въ крайнемъ случаѣ автономной провинціи. Стремясь обратить свою націю въ народъ, т. е. облечь ее въ государственную форму, національное сознаніе негосударственной національности съ теоріи признаетъ обыкновенно подобныя же стремленія и другихъ національностей и опирается на теорію національнаго государства.

„При современныхъ требованіяхъ, говоритъ сторонникъ этой теоріи А. Градовскій¹⁾, политическая власть должна быть органически связана съ народомъ²⁾, который она представляетъ, и, наоборотъ, каждое національное общество, способное къ самостоятельной исторической жизни, имѣетъ право образовать свою политическую форму, согласно своимъ стремленіямъ и потребностямъ. Другими словами, національный принципъ отицѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Каждая народность, т. е. совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, языка, цивилизаціи и историческаго прошлаго, имѣетъ право образовать особую политическую единицу, т. е. особое государство.

„Такова политическая основа національнаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова. Новый принципъ, очевидно, былъ праждебенъ системѣ искусственныхъ государствъ, сложившихся въ прежнее время и организованныхъ вѣскимъ конгрессомъ, т. е. трактатами 1815 г.“.

„Мы говоримъ, говоритъ Градовскій далѣе³⁾, что по общему правилу государство тогда только прочно, правильно обезпечено въ своемъ внутреннемъ развитіи, когда оно построено на основѣ народности и служитъ національнымъ цѣлямъ,—что искусственные государства не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія, что они не могутъ обезпечить коренныхъ условій гражданской свободы. Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить все свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бывать подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитие

свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насиліемъ ственно значимымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признанію даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства непрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и вѣдшимъ нападенія. Малѣйшее пробужденіе общественной жизни внутри кажется предвѣстникомъ грознаго переворота. Усиленіе сосѣда вызываетъ тревожныя опасенія. Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ.

„Можетъ ли оно разрѣшить великія нравственныя и экономическія задачи, къ которымъ призвано государство?“

Итакъ, нація должна совпадать съ народомъ, всякая негосударственная нація естественно стремится стать государственной націей, создать для себя государственную форму; въ этомъ стремленіи сказывается здоровое чувство; наоборотъ, всякое государство должно стремиться стать національнымъ, всякое же неаціональное государство по общему правилу есть государство искусственное, неудовлетворяющее своему естественному назначенію, держащееся на насиліи, и потому слабое, не прочное.

Такова націоналистическая теорія государственнаго права въ своей чистой и яркой формѣ, весьма популярная у сторонниковъ національныхъ притязаній негосударственныхъ національностей, по находящая своихъ adeptовъ также среди національностей государственныхъ (особенно у венгерцевъ, у итальянцевъ; большую симпатію къ ней питали наши славянофилы, вѣдственные отголоски ученія которыхъ слышатся у Градовскаго, несмотря на его постоянную полемику со славянофилами; она популярна также среди пангерманистовъ и т. д.). Правда, теоретики національностей государственныхъ обыкновенно тотчасъ же забываютъ о ней, какъ только приходится примѣнять ее къ національностямъ подчиненныхъ¹⁾, но смыслъ теоріи отъ этого не измѣняется.

На пути къ своему практическому осуществленію въ жизни націоналистическая теорія встрѣчала однако непреодолимые препятствія. Государство тѣсно связано съ единствомъ территоріи; хотя государства безъ такового существуютъ и нынѣ (Баварія, Пруссія), а раньше существовали въ гораздо большемъ числѣ, во именіи къ нимъ наименованіе ненормальныхъ, искусственныхъ можетъ

¹⁾ А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій, Т. 6. Сиб. 1901 г. Стр. 13—14

²⁾ Здѣсь слово „народъ“ употреблено, очевидно, вмѣсто „нація“ или „национальность“.

³⁾ Градовскій, *ibid.*, стр. 27.

¹⁾ Такимъ же забвеніемъ своей собственной теоріи страдаетъ и Градовскій, когда ему приходится говорить о полякахъ, которыхъ, по его мнѣнію, „губитъ“ мечта о польскомъ государствѣ, воплѣтъ оправдывающая „подозрительное отношеніе русскыхъ къ каждому движенію на берегахъ Вислы“. *Ibid.*, стр. 605.

быть приложено съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ къ государствамъ, населеннымъ разными національностями; если они могутъ сохраниться долгое время, то только либо при условіи полнѣйшаго деспотизма, когда государство является вотчиной правителей, совершенно не заинтересованныхъ интересами и чувствами подвластныхъ имъ народовъ¹⁾, либо когда на нихъ, какъ на государствахъ несuverенныхъ, не лежатъ важнѣйшія обязанности государства. Напротивъ, лишь весьма и весьма немногія современные національности связаны съ опредѣленною округленною территоріею. Поэтому весьма нерѣдко національное стремленіе къ государственному бытію становится въ явное и рѣшительное противорѣчіе съ официально проповѣдуемою его собственными сторонниками національною теоріею государства; весьма нерѣдко оно заключается въ себѣ элементы національнаго шовинизма, стремленіе къ подчиненію и подавленію чужихъ національностей, и не можетъ обойтись безъ нихъ въ силу непреодолимыхъ условій.

Таковъ почти всегда націонализмъ государственныхъ національностей; таковъ націонализмъ русской, или, точнѣе, великорусской національности въ Россіи, нѣмецкой въ Германіи и Австріи, венгерской въ Венгріи. Этотъ націонализмъ исходитъ изъ убѣжденія, что господствующая національность имѣетъ право на власть (конкретно это выражается въ стремленіи представлять мѣста на государственной и общественной службѣ преимущественно людямъ своей національности), что ея языкъ долженъ пользоваться всѣми преимуществами языка государственнаго и быть языкомъ суда, школы, общественныхъ учреждений, арміи и т. д., а что всѣ остальныя національности подлежатъ насильственной русификаціи въ Россіи, германизации въ Германіи и Австріи, мадьяризации въ Венгріи и т. д.

Если государственныя національности предъявляютъ такія притязанія совершенно открыто, обосновывая ихъ на фактъ побѣды, мотивируя ихъ интересами государства, которое должно быть национальнымъ, чтобы быть сильнымъ и прочнымъ, то ихъ же иногда предъявляютъ въ скрытой формѣ національности не государственныя, но стремящіяся и надѣющіяся стать таковыми. Идеаломъ чешскихъ националистовъ въ Австріи является образование чешскаго государства, въ которомъ по необходимости имѣлось бы весьма значительное число нѣмцевъ, (а также поляковъ и евреевъ), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы этотъ идеалъ осуществился, то въ этомъ государствѣ чехи явились бы національностью господствующей, ихъ языкъ былъ бы признанъ государственнымъ, и нѣзцы были бы сведены на то самое позо-

¹⁾ Прекрасный примѣръ этого: Австрія соединилась въ 1714—1797 гг. т. е. въ теченіе почти всего XVIII вѣка съ территоріальною отдѣленными отъ нея Мизанскими герцогствами въ одно государство.

женіе, въ которомъ въ настоящее время оказываются въ Австріи чехи. Польки въ Галиціи не создали особаго польскаго государства, хотя бы и не сувереннаго; но они добились положенія господствующей націи, ихъ языкъ тамъ пользуется положеніемъ государственнаго, и это отражается на принципномъ положеніи украинцевъ.

Такимъ образомъ, стремленіе національности къ государственному бытію далеко не всегда порождается только желаніемъ охранить свою національность отъ поглощенія другимъ; не рѣдко оно порождается и въ меньшей степени жаждою власти и господства, нерѣдко оно подразумеваетъ подчиненіе какой нибудь другой національности. Поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ борьба одной національности за государственное бытіе не вызываетъ протеста во имя такого же національнаго чувства, причемъ такой протестъ исходитъ не только отъ господствующей національности, противъ которой непосредственно направлена борьба, а также отъ другой тоже подавленной націи. Если итальянцы, боровшіеся за національно-государственное бытіе противъ Австріи и собственныхъ династій, вызывали среди широкихъ массъ всей Европы горячее сочувствіе, если почти такое же сочувствіе досталось на долю поляковъ, боровшихся (1863) за національное освобожденіе, то это сравнительно рѣдкія исключенія. Напротивъ, венгерцы, боровшіеся въ 1848—49 г. за свою національную свободу, встрѣтили сильное противодействіе среди хорватовъ и не вызвали къ себѣ симпатій со стороны другихъ столь же, какъ они сами, или даже болѣе подавленныхъ національностей Австріи. И это понятно: въ националистическихъ притязаніяхъ венгерскихъ революціонеровъ хорваты явственно слышали противопоставленіе негосударственныхъ національностей—государственной или подлежащей стать таковой мадьярской націи. Послѣдующія событія вполне оправдали это опасеніе. Точно также во имя національнаго объединенія Германіи принесены были въ жертву національныя чувства датчанъ и эльзась-лотарингцевъ.

Очевидная невозможность разрѣшенія національнаго вопроса посредствомъ образованія государствъ изъ всѣхъ пинѣ существующихъ націй, другими словами, посредствомъ обращенія всѣхъ націй въ народы, и вытекающая отсюда очевидная (при современныхъ условіяхъ) аристократичность этой идеи заставила искать другого разрѣшенія національнаго вопроса и привела къ совершенно иной постановкѣ его.

Вопросъ ставится въ большинствѣ случаевъ такъ.

Имѣется ли способъ, и если да, то въ чемъ онъ состоитъ, чтобы урегулировать взаимныя отношенія различныхъ національностей, живущихъ въ одномъ государствѣ?

Задача, следовательно, состоитъ въ томъ, чтобы найти условія мирнаго сожителства національностей, смѣшанныхъ на общей территоріи.

Какъ извѣстно, въ настоящее время эта задача не разрѣшена въ полномъ объемѣ нигдѣ, гдѣ только дѣйствительно существуютъ разныя національности. Она кажется разрѣшенной лишь въ такихъ странахъ, какъ Швейцарія и Бельгія. Въ дѣйствительности, однако, въ нихъ собственно говоря нѣтъ различныхъ національностей, противопоставляющихъ себя другъ другу и имѣющимъ различное национальное сознание; поэтому въ нихъ нѣтъ национальной борьбы, и, следовательно, национальный вопросъ не только не разрѣшенъ, но, въ сущности, даже и не поставленъ.

Объединенныя, а не разъединенныя общими национальными сознаниемъ, народы Швейцаріи и Бельгіи, говорящіе на разныхъ языкахъ, по чувствующіе свое культурное и политическое единство, не имѣютъ стремленія властвовать одинъ надъ другимъ и ищутъ самое полное уваженіе къ правамъ другъ друга.

Въ Швейцаріи, правда, раньше было вѣчно шие. Образованіе швейцарской національности есть дѣло сравнительно недавняго прошлаго. Въ XVIII вѣкѣ она только зарождалась и скорѣе предчувствовалась въ сочиненіяхъ такихъ патриотовъ единой Швейцаріи, какъ историкъ Юганъ Мюллеръ, чѣмъ была на дѣлѣ; тогда жители каждаго кантона чувствовали себя самостоятельнымъ народомъ или націею¹⁾: то же самое национальное самосознаніе сохранилось въ первой половинѣ XIX в., и только со времени конституціи 1848 года, положившей начало швейцарской федераціи, эта національная обособленность начала сглаживаться и уступать мѣсто обще-швейцарскому национальному сознанию. Это стало возможно именно благодаря тому, что швейцарскія народности вступили въ союзъ на федеративныхъ началахъ, договариваясь другъ съ другомъ, какъ разныя, сохранивъ все свои права. При такомъ процессѣ образованія швейцарской національности не было времени для возникновенія національнаго вопроса. Если въ Швейцаріи имѣется национальность, то вполнѣ

слившись въ національномъ отношеніи съ остальными швейцарцами, то это романи, въ небольшомъ числѣ живущіе въ Граубюнденѣ; они говорятъ на особомъ романскомъ языкѣ (Romansch), не имѣющемъ ни въ Швейцаріи вообще, ни въ Граубюнденѣ въ частности, тѣхъ правъ, которыми пользуются остальные три языка страны.

Инымъ путемъ, но приблизительно къ тѣмъ же результатамъ пришла Бельгія. Экономическія причины заставили валлонцевъ и фламандцевъ почувствовать единство своихъ интересовъ и ихъ противоположность интересамъ фламандцевъ Голландіи. Такимъ образомъ, и тамъ не было времени для постановки національнаго вопроса, и на очередь былъ поставленъ (и довольно удачно разрѣшенъ) лишь вопросъ о равноправіи языковъ, вопросъ сравнительно легкій, когда онъ не осложненъ болѣе острымъ национальнымъ вопросомъ.

Иногда указываютъ на Соед. Штаты, какъ на страну, гдѣ национальный вопросъ разрѣшенъ; но это совершенно не вѣрно. Правда, многіе иммигранты изъ Европы по большей части чрезвычайно быстро ассимилируются съ американцами и обращаются въ настоящихъ янки, такъ что у нихъ не хватаетъ времени, чтобы достаточно рѣзко поставить свой национальный вопросъ. Правда и то, что по отношенію къ иммигрантамъ изъ Азіи, китайцамъ и японцамъ, можно ставить вопросъ лишь объ отношеніи государства къ иностранцамъ, но ни въ коемъ случаѣ къ инородцамъ, т. е. не национальный вопросъ въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Но таковой стоитъ въ Соед. Штатахъ въ формѣ вопроса неграмаго и индѣйскаго, и стоитъ въ весьма острой формѣ. Именно между неграми и индѣйцами съ одной стороны (въ особенностяхъ первыми) и бѣлыми американцами, съ другой, существуетъ антагонизмъ, имѣющій все признаки антагонизма національнаго: антагонизмъ, сказывающійся во всевозможныхъ стѣсненіяхъ, въ преслѣдованіяхъ, въ дикихъ проявленіяхъ суда Линча съ дикими его приговорами, произносимыми представителями одной національности (или скорѣе расы) надъ представителями другой.

Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ вездѣ, гдѣ только на территоріи одного государства живутъ различныя націи.

Вездѣ ведется упорная борьба между господствующей и остальными національностями, и вездѣ стоитъ на очереди дошнѣ, еще окончательно не разрѣшенный вопросъ. Вездѣ господствующая національность стремится сохранить, укрѣпить или углубить свое господство, вездѣ остальные національности ведутъ упорную борьбу за то, чтобы избавиться отъ лежащаго на нихъ гнета и добиться уравненія національностей или даже положенія господствующей—для себя. Взаимное недовѣріе и внутренняя борьба между подавленными національностями, вызываемая именно тѣмъ, что лишь находящаяся въ исключительныхъ условіяхъ національности мечтаютъ о полномъ

¹⁾ „Gesch. der Republik Zürich“ Булчли (1-й томъ вышелъ въ Цюрихѣ въ 1847 г.) предзназначалась, какъ объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи, „для цюрихскаго народа“. Въ различныхъ сочиненіяхъ по исторіи отдельныхъ швейцарскихъ кантоновъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженіе „цюрихскій народъ“, „шафгаузенскій народъ“, „швицскій народъ“ и т. д.: при этомъ одинъ такой народъ противопоставляется другому не какъ государство только, а какъ опредѣленная культурная индивидуальность, имѣющая рѣзко выраженное национальное самосознаніе. Совершенно то же самое имѣло мѣсто въ древней Греціи: несмотря на сознаніе расоваго и культурнаго единства всѣхъ эллиновъ, они все еще сознавали себя отдельной націей, со своими национальными чертами, со своими собственными богами, и въ этомъ смыслѣ противопоставляли себя спартацамъ или афинцамъ; совершенно также, какъ въ израильскомъ народѣ во времена судей отдѣльными кофѣна были каждое свое национальное сознаніе.

уравнени, тогда как остальные стремятся къ господству, является главным препятствием для их побѣды; тѣмъ важнѣе хотя бы теоретическое разрѣшеніе вопроса о возможности дѣйствительнаго равенства и мирнаго сожителства національностей на одной территоріи.

Въ ряду другихъ принциповъ демократіи нашего времени имѣется идея національной равноправности, какъ политическая идея, которую демократическія партіи стремятся положить въ основу государственной политики по отношенію къ національностямъ. Эта идея выражена въ 19 ст. австрійскаго конституціоннаго закона 21 декабря 1867 г. „Объ общихъ правахъ гражданъ“. Вотъ эта статья:

„Всѣ народности государства равноправны и каждая народность (Völkstamm) имѣетъ неотъемлемое право охранять и развивать свою національность и свой языкъ. Равноправность всѣхъ наръчій, существующихъ въ странѣ, признается государствомъ въ школахъ, управленіи и общественной жизни. Въ земляхъ, гдѣ живутъ нѣсколько народностей, общественныя образовательныя учрежденія должны быть устроены, такимъ образомъ, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй языкъ, могла получать необходимыя для обученія на своемъ языкѣ средства“.

Съ перваго взгляда на эту статью конституціи можно подумать, что національный вопросъ въ Австріи разрѣшенъ и что національная вражда не можетъ въ ней имѣть мѣста. Въ дѣйствительности, однако, при болѣе внимательномъ взглядѣ на эту статью и при изученіи ея въ свѣтѣ жизненной практики, дѣлается яснымъ, что она даетъ безграничный просторъ толкованію въ любомъ направленіи, не имѣетъ конкретнаго содержанія и потому вопроса вовсе не разрѣшаетъ ¹⁾.

Еще общѣе и какъ будто еще справедливѣе выражена та же идея въ ст. 4 прусской конституціи. „Всѣ пруссаки равны передъ закономъ. Сословныя привилегіи отменяются. Публичныя должности при соблюденіи установленныхъ закономъ условій равно доступны для всѣхъ, способныхъ къ ихъ отправленію“. Такъ какъ слово „пруссаки“ употреблено здѣсь не въ національномъ, а въ государственномъ смыслѣ, такъ что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть и поляковъ, и датчанъ, то ясно, что по буквѣ конституціи ни о какомъ національномъ угнетеніи не можетъ быть и рѣчи. И, однако, несмотря на наличность этой статьи конституціи, на практикѣ оказывается возможнымъ внесенію въ ландтагъ законопроектъ о принудительномъ выкупѣ земель у польскихъ землевладѣльцевъ для усиленія нѣмецкой колонизаціи.

Въ февралѣ 1908 г. проектъ, принятый обѣими палатами ландтага, сталъ закономъ ¹⁾.

Этотъ законъ—особенно яркое проявленіе національной борьбы и національнаго гнета, притомъ выраженнаго не въ формѣ стѣсненія правъ языка или религіи; законъ этотъ питается грубо-эгонетическими матеріальными вожделѣніями небольшой кучки людей, прикрывающихъ ихъ борьбою за германизацію польскихъ областей. Мотивомъ къ этому закону откровенно выставляется стремленіе къ „усиленію нѣмецкаго элемента въ Познани и Зап. Пруссіи“ и желаніе распространить въ данной мѣстности нѣмецкій языкъ; однако, при опредѣленіи лицъ, имѣиныхъ которыхъ подлежатъ принудительному выкупу, рѣшающимъ моментомъ служитъ не то, знаетъ или не знаетъ данное лицо польскій языкъ, а его польская національность, т. е. именно польское чувство и настроеніе, поскольку мѣстныя власти съумѣютъ о нихъ осведомиться. Такимъ образомъ, въ силу этого закона у волака, который пріобрѣлъ себѣ землю въ Познани, отнимаютъ эту землю только потому, что онъ пруссакъ-полякъ, а не пруссакъ-нѣмецъ. Такой же характеръ имѣетъ школьный законъ 1886 г., въ мотивахъ къ которому прямо говорилось о необходимости назначать въ польскія общины учителей „съ опредѣленно нѣмецкимъ образомъ мыслей и чувствъ“. Ясно, что теоретическое признаніе въ законѣ или конституціи національнаго равенства не только не гарантируетъ такого равенства въ жизни, но можетъ уживаться съ совершенно откровенно выраженнымъ стремленіемъ къ полному уничтоженію всякой не государственной національности.

Если такое отношеніе къ національностямъ мыслимо тамъ, гдѣ конституція гарантируетъ равноправіе всякой человѣческой личности, то тѣмъ болѣе мыслимо оно тамъ, гдѣ нѣтъ конституціи, гдѣ человѣческая личность не имѣетъ даже въ теоріи неотъемлемыхъ правъ.

Какъ образецъ закона, ясно и откровенно выражающаго националистическое чувство господствующей національности, во желающей нитѣмъ дѣлаться съ подчиненной ей національностью, можетъ быть приведена ст. 464 русскаго Учрежденія Судебныхъ Установленій (Судебные Уставы 1864).

„464: Судопроизводство отъ судебныхъ установленій Варшавскаго судебного округа происходитъ на русскомъ языкѣ.“

Примѣчаніе. Въ гнилыхъ судахъ можетъ быть допускано употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ языка рус-

¹⁾ См. выше статью А. Фанеля „Нѣмецъ“.

¹⁾ См. выше статью Ю. Марклевскаго „Поляки въ Пруссіи. Ред.“

скаго. Но и въ сихъ случаяхъ приговоры, рѣшенія, вообще всѣ акты, отъ суда исходящія, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ“.

т. е. языкѣ, котораго не знаютъ стороны, и который часто плохо знакомъ даже судьямъ.

Это, очевидно, не путь къ разрѣшенію національнаго вопроса, даже не путь смягченія національной розни, а путь ея обостренія.

Совершенно иное отношеніе къ вопросу объ языкахъ мы видимъ въ Бельгій.

Ст. 23-я конституціи гласитъ.

„Пользованіе языками, употребляемыми въ Бельгій, факультативно: оно можетъ быть регулируемо только закономъ и исключительно для актовъ правительственной власти и для судебныхъ дѣлъ“.

Мы видѣли уже, что подобная статья конституціи можетъ прекрасно уживаться съ практикой самаго беззащитнѣйшаго, самаго неприкрытаго чело-вѣконенавистничества, и потому не можемъ удовлетвориться ею одною. Но именно въ Бельгій, такъ же какъ въ Швейцаріи, мы безъ труда найдемъ доказательство того, что эта статья не есть пустой звукъ, какъ въ Австріи или Пруссіи.

Закономъ 17 августа 1873 г., однимъ изъ тѣхъ законовъ, которые были предусмотрены приведенною сеічасъ статьею 23 конституціи, было регулировано употребленіе языковъ въ судѣ.

Согласно съ этимъ закономъ въ мѣстностяхъ съ господствующимъ фламандскимъ населеніемъ, языкомъ суда признается фламандскій; но если подсудимый (въ уголовныхъ дѣлахъ) или отвѣтчикъ (въ гражданскихъ) требуетъ языка французскаго, то слѣдствіе и пренія ведутся по французски и приговоръ выносится по французски же. Но каждое участвующее въ дѣлѣ лицо (свидѣтель, истецъ, экспертъ и т. п.) можетъ говорить на любомъ языкѣ. Протоколъ ведется на обоихъ языкахъ, или, точнѣе, къ протоколу, какъ и ко всѣмъ документамъ, которыми пользуется судъ или которые исходятъ отъ суда, обязательно прилагается переводъ на другой языкъ, причемъ всѣ издержки по переводамъ возлагаются на казначейство. Всякое нарушеніе этихъ правилъ, всякое стѣсненіе правомъ пользованія любымъ языкомъ для кого бы то ни было изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ является вполнѣ достаточнымъ кассационнымъ поводомъ; но пользоваться имъ сторонамъ почти не приходится, такъ какъ случаевъ его нарушенія почти не бывають.

Закономъ 22 мая 1878 года нормировано употребленіе фламандскаго языка въ администраціи. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ всѣ обращенія власти къ гражданамъ должны дѣлаться на обоихъ языкахъ; должностныя лица обязаны сноситься съ коммунальными управленіями и частными лицами по фла-

мандски, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти управленія и лица сами желаютъ сношеній на языкѣ французскомъ. Напротивъ, въ округѣ (arrondissement) Брюссель (провинція Брабантъ) языкомъ сношеній признается французскій, если коммунальныя управленія или частныя лица не выразятъ желанія сноситься съ правительственными учрежденіями по фламандски¹⁾.

Изъ этого видно, что господствующимъ языкомъ, языкомъ учрежденій во фламандской Бельгій признается фламандскій, по французскій языкъ пользуется защитой и соответствующими правами, какъ языкъ меньшинства. Напротивъ, въ валлонской Бельгій господствуетъ языкъ французскій, а языкъ меньшинства (фламандскій) особой защитой закона не пользуется (за исключеніемъ Брюссельскаго округа). Тѣмъ не менѣе, фламандцы не жалуются на національное угнетеніе въ Намюрѣ или Лиежѣ, какъ валлонцамъ не приходится на него жаловаться въ Антверпенѣ. Это объясняется тѣмъ, что практика толкуетъ законы, касющіеся языковъ, расширительнымъ, а не ограничительнымъ образомъ, а это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что въ Бельгій нѣтъ національнаго антагонизма, несмотря на разпоязычность населенія.

Между тѣмъ, поводъ для такого антагонизма могъ бы легко найтись, если бы исторія не снала бельгійцевъ въ достаточно прочное государственное. пожалуй даже національное цѣлое, проведя въ то же время достаточно рѣзкую грань между социальными классами, размежевавшими главными образомъ не по этнографическимъ границамъ. Дѣло въ томъ, что приведенные законы требуютъ, чтобы во фламандской Бельгій съ Брюссельскимъ округомъ всѣ правительственныя учрежденія знали оба языка, а жизненная практика почти столь же настоятельно требуетъ того же и въ валлонской Бельгій. Между тѣмъ, лица, для которыхъ родной языкъ—фламандскій, гораздо легче и охотнѣе изучаютъ языкъ французскій, сближающій ихъ съ великою культурой, чѣмъ наоборотъ; поэтому, по общему правилу, фламандцу въ Бельгій нѣсколько легче добиться мѣста на государственной службѣ, чѣмъ валлонцу. Тѣмъ не менѣе, это различіе не настолько серьезно, чтобы можно было въ основу партійныхъ дѣленій положить національныя притязанія; поэтому-то націоналистическихъ партій въ Бельгій нѣтъ.

Еще дальше проведена принципъ равноправія трехъ языковъ въ Швейцаріи. „Три главныхъ языка Швейцаріи, гласитъ 116 ст. швейцарской конституціи, суть національные языки Союза“. Всѣ законы, почти всѣ обращенія власти къ гражданамъ публикуются на трехъ языкахъ и всѣ три

¹⁾ Положеніе этихъ законовъ см. въ Annuaire de législation étrangère, Paris 1873 и 1878 и у J. J. Thonissen, La constitution belge annotée, 3-me éd., Bruxelles 1879, стр. 102 и сл.

текста признаются одинаково официальными; если некоторые второстепенные акты (например, касающиеся железнодорожного движения) не публикуются по-итальянски, то это только потому, что сами итальянцы, изыскивая органы для выражения своих желаний в лице правительства Тессинского кантона, не предъявляют соответственного требования. В федеральном собрании ораторы говорят на любом языке, и все речи stenографируются и официально печатаются, на каком бы из трех языков они ни были сказаны. Федеральные власти сносятся с кантональными и общинными учреждениями и частными лицами на их язык. Для того, чтобы эта задача была осуществима, наблюдается, чтобы в каждом правительственном учреждении были представлены все три национальные языка: для суда это предписано конституцией (ст. 107), для других учреждений—либо отдельными законами, либо требованиями самой жизни и общим стремлением не создавать национального вопроса ¹⁾.

Таким путем разрешается вопрос о языках в наиболее свободных и прогрессивных (в этом отношении) государствах. Но разрешение его здесь сравнительно просто, так как рядом с ним тут все не поставлен национальный вопрос во всем его грозном объеме.

Вся задача тут сводится лишь к тому, чтобы примирить интересы различных людей, говорящих на различных языках, а не к тому, чтобы удовлетворить противоположные притязания, примирить противоположные интересы различных национальностей. Там, где существует нация, как совокупность людей, объединенных общностью национального самосознания, и выражающих притязания на признания за ними импав права отдельной национальности, там она не может удовлетвориться такою жалкою подачкой, как возможность подавать прошение в суд на своем языке. Она неизбежно будет требовать участия в государственной власти, именно, как таковая; она будет требовать права влиять на организацию школы и характер преподавания в ней в своем национальном духе, и т. д.

Нужно сознаться, что так поставленный вопрос не только не разрешен еще нигде действующим государственным правом, но даже программы наиболее заинтересованных в его разрешении политических, хотя бы и национальных партий, следовательно, даже в теории разрешение далеко не вполне удовлетворительно.

Большинство националистических партий выдвигает вперед интересы своей национальности, причем разрешает их при помощи территориальной

¹⁾ W. Burekhardt, Kommentar zur Schweizerischen Bundes-Verfassung vom 29. Mai 1874, Bern. 1905. Стр. 820, 870 и сл.